

оглавление

Введение	ЭКОНОМИКА — ДЕЛО ПОЛИТИЧЕСКОЕ	7
Глава первая	НЕВИДИМЫЙ ПОРЯДОК	31
Глава вторая	ЛОГИКА ЖЕСТКОЙ ЭКОНОМИИ	81
Глава третья	ЖЕСТОКАЯ МАТЕМАТИКА БЕЗРАБОТИЦЫ	130
Глава четвертая	ЗАПАД ПРЕВЫШЕ ВСЕХ	156
Глава пятая	ДЕМОКРАТИЯ — ЭТО АНТИКАПИТАЛИЗМ	192
Благодарности		229
Примечания		231
Предметно-именной указатель		275
Об авторе		287

Введение

ЭКОНОМИКА — ДЕЛО ПОЛИТИЧЕСКОЕ

Осень 1920 г. Мы в Брюсселе. За столами для заседаний — политики и экономисты со всей Европы. Они съехались на первую в истории международную экономическую конференцию. Несмотря на официальный тон и элегантные костюмы, напряжение буквально висит в воздухе. В речах собравшихся сквозят растерянность, даже отчаяние перед лицом, как они считают, недопустимого беспорядка, социального хаоса, толкающего капиталистическую экономику к краю пропасти.

«Рабочих¹, — заявляет английский финансист Роберт Брэнд, — обнадежили, и теперь они ждут, что их жизнь как-то по-новому устроится, что их доля

станет лучше. Они верят, по крайней мере в моей стране, что этих перемен можно достичь, если заменить систему частной промышленности некой формой государственной или общественной собственности. Но они не осознают суровой истины: лучшей жизни после всех потерь, что принесла война, можно достичь лишь через труд и лишения».

Конференцию организовала недавно учрежденная Лига Наций вскоре после окончания Первой мировой войны — с одной ключевой целью: восстановить рухнувший экономический порядок. По всей Европе государства боролись с рекордной инфляцией, нехваткой продовольствия и массовыми забастовками. Простые рабочие, вынесшие на своих плечах все тяготы войны, бросили вызов распоряжающейся богатством элите и потребовали полной перестройки экономической системы.

В хаосе той эпохи потрясений политики и экономисты горячо отстаивали свою «суровую правду»: поведение граждан необходимо направлять и контролировать в соответствии с принципами экономической науки. Люди должны больше работать, меньше потреблять и ничего или почти ничего не ждать от государства. Гражданам надлежало воздержаться от любых забастовок и требований экономических прав, если под угрозой оказывалось капиталистическое производство. Лорд Роберт Чалмерс, бывший постоянный секретарь британского

казначейства и один из представителей английской делегации, выразился предельно ясно: «Усердно трудиться, аскетично жить, упорно копить».

Этот девиз воплотился в конкретные политические решения: урезание государственных бюджетов, в первую очередь социальных расходов на медицинское страхование и пособия по безработице, а также снижение заработной платы и повышение налогов на товары первой необходимости.

Разрабатывая этот пакет болезненных мер жесткой экономии, собравшиеся в Брюсселе технократы прекрасно понимали, что их план вряд ли найдет поддержку. Склонить граждан к соблюдению предписаний экономической науки было куда проще на бумаге, чем на практике. Итальянский делегат Альберто Бенедуче, профессор, специалист по экономической статистике, не сомневался в выборе тактики: нужно «воздействовать на общественное мнение², на психологию масс, чтобы те не мешали, а, напротив, помогали восстановить государственный бюджет». Этими соображениями Бенедуче поделился на пленарном заседании 20 сентября 1920 г.

Дата эта знаменательна: в те дни и недели в Италии классовая борьба достигла своего апогея. Захваты фабрик распространялись, словно лесной пожар. По всему Апеннинскому полуострову более месяца рабочие в шестидесяти с лишним городах брали в свои руки управление производством во всех

отраслях: от рудников и верфей до железных дорог и текстильных фабрик. Газета правящей верхушки, *Corriere della Sera*, так описывала яркое начало захватов в Милане: «Вчера вечером фабрики³ представляли собой необычайное зрелище. К ним можно было подойти, лишь пробравшись через толпы женщин и детей, что сновали туда-сюда, неся ужин бастующим. Входы зорко стерегли группы рабочих. Вокруг — ни души из начальства, ни одного полицейского. Бастующие были полновластными хозяевами положения». Знаковая фотография⁴, датированная сентябрем того года, запечатлела момент, когда рабочие почувствовали свою силу: группа рабочих из фабзавкома — органа рабочего самоуправления — сидит за столом Джованни Аньелли, владельца Fiat, крупнейшей автомобильной компании Италии. В итальянских деревнях крестьяне взяли под контроль сельскохозяйственные угодья и начали управлять ими через демократические собрания.

«Психологическое состояние масс» явно склонялось в пользу посткапиталистического общества, в котором частная собственность на средства производства и властные отношения между нанимателями и наемными работниками уступили бы место более справедливому устройству. Ужасный шок Великой войны побудил рабочих заново осознать простой факт: именно они играют центральную роль в процессе создания стоимости и богатства.

Фабзавкомы, под идейным руководством Антонио Грамши, рабочих-организаторов и интеллектуалов, стали новыми институтами, в которых реализовывалось стремление трудящихся к демократическому участию в производстве и распределении. Их деятельность давала людям возможность сознательно пользоваться экономической и политической свободой в «новом обществе свободных⁵ и равных производителей».

Растущая инфляция раздувала пламя недовольства. Рабочие открыто обвиняли частных инвесторов, наживавшихся на их нищете, в росте цен на продовольствие и даже начали сомневаться в том, что экономическая система, выгодная лишь горстке избранных, справедлива в принципе. Эксперты понимали: денежно-кредитная нестабильность — это не просто экономическая головоломка, которую должна решить наука. По сути это была проблема политическая. Выдающийся британский экономист Джон Мейнард Кейнс прямо признавал ту угрозу, что нависла над существующей системой: «Дальнейший рост инфляции не только обрушит валютные курсы, но и, влияя на цены, нанесет удар по самой природе контрактных отношений, системе безопасности и капиталистическому строю в целом»⁶.

С высоты своего положения экономические эксперты рассуждали об инфляции как о простом дисбалансе спроса и предложения, в конечном счете

сводя все к нравственной ущербности простого народа: мол, рабочие, добившись повышения зарплат, позволили себе излишества, о чем говорит «заметный рост избыточного потребления⁷ алкогольных напитков, сладостей, шоколада и печенья», как бросил с усмешкой профессор экономики Луиджи Эйнауди. С неменьшим презрением Маффео Панталеони, один из основоположников сегодняшних мейнстримных взглядов на экономику, возлагал вину за инфляцию на рабочих, которые «живут в своих домах как свиньи⁸, лишь бы спустить большую часть дохода на вино в трактире».

Всего через несколько лет эти же эксперты поддержат приход к власти основоположника фашизма, Бенито Муссолини. Муссолини гарантировал им внушительный пакет мер жесткой экономии: снижение зарплат, урезание социальных расходов, приватизацию государственных служб и повышение процентных ставок. Его экономическая состоятельность заслужила единодушное одобрение экспертов по всему миру — как либералов, так и националистов.

Современные экономисты не отказались от привычки винить во всем рабочих. Эта тенденция сохраняется и поныне, и век спустя козлами отпущения по-прежнему оказываются рабочие семьи.

Перенесемся в Вашингтон весны 2022 г. Очередная волна инфляции сотрясает мировую экономику. Совет управляющих Федеральной резервной

системы (ФРС) собирается за закрытыми дверями, чтобы принять решение о повышении процентных ставок. Они будут резко поднимать их на протяжении более двух лет, и этот шаг окажет огромное влияние на политику центробанков по всему миру.

Председатель ФРС Джером Пауэлл и его коллеги отточили свой технический язык, но их антагонизм по отношению к рабочему классу не утратил остроты. Пауэлл заявляет: чтобы «восстановить ценовую стабильность», экономисты должны действовать «решительно», и это «причинит боль»⁹. Боль эта предназначена для виновников инфляции — тех, кто слишком много потребляет и слишком мало работает.

Пауэлл объясняет: у нас «нездоровый», или «перегретый», рынок труда¹⁰, когда вакансий больше, чем желающих работать, и работодателям трудно найти людей, готовых работать. Цель повышения процентных ставок как раз и состоит в том, чтобы «ослабить давление на заработную плату» за счет дисциплинирующего эффекта безработицы. О том же писала и министр финансов США Джанет Йеллен в служебной записке председателю ФРС Алану Гринспену еще в 1996 г.: безработица «служит инструментом поддержания трудовой дисциплины»¹¹: перспектива остаться без средств к существованию на неопределенный срок порождает достаточный страх потерять работу и мотивирует

людей трудиться добросовестно без постоянного и дорогостоящего надзора».

12 сентября 2023 г. на ежегодном Саммите по недвижимости, организованном газетой *Australian Financial Review*, австралийский миллиардер и основатель экспертно-аналитического центра Тим Гернер высказался прямее:

Думаю, проблема¹² в том, что за время пандемии люди решили — они больше не хотят так много работать, и это огромная проблема для производительности... Безработица, по-моему, должна подскочить на 40, на 50%. Экономика должна испытать боль. Нужно напомнить людям, что это они работают на работодателя, а не наоборот... С этим настроением нужно покончить, и сделать это можно, только ударив по экономике, — что, собственно, и пытается осуществить весь мир. Правительства по всему миру пытаются повысить безработицу, чтобы вернуть это отношение в какие-то нормальные рамки, и мы уже видим результаты... На рынке труда нам удалось сбить спесь с кое-кого.

Большинство из нас слушает экономистов и финансовых лидеров рассеянно и покорно. Решения вроде повышения процентных ставок кажутся нам чем-то далеким, слишком техническим, чтобы напрямую затрагивать нас, и почти не поддающимся

нашему воздействию. Но так ли это на самом деле? И не является ли эта способность «деполитизировать» экономику, то есть отрицать саму возможность нашего участия в принятии экономических решений, ключом к успеху системы, которая связывает нам руки и заставляет молчать? Своими речами экономические эксперты убеждают нас в том, что у нас нет ни знаний, ни права участвовать в принятии фундаментальных экономических решений, влияющих на нашу жизнь. Однако, если присмотреться к их действиям, становится ясно, что они заняты сугубо политическим делом: сохранением существующей экономической системы, которую считают единственно возможной.

Современные экономисты, как и их коллеги столет назад, используют язык, за которым прячется экзистенциальная тревога за систему, на деле не являющуюся ни вечной, ни естественной. Страх, что социальные волнения пошатнут капиталистическую экономику, — вполне предсказуемая эмоциональная реакция для тех, чье благополучие, как им кажется, зависит от капитализма.

Очевидно, что в нашем обществе подавляющее большинство социальных отношений опосредовано деньгами. Инфляция пугает именно потому, что она дестабилизирует валюту — основу, на которой держится вся наша рыночная экономика. Кроме того, инфляция, как указывал Кейнс, порождает

тревогу и может подорвать народное доверие к системе. Нас возмущает, когда мы обнаруживаем, что цены на продукты выросли вдвое, а растущие счета за электричество или бензин грозят утратой всех сбережений. Да, инфляция разжигает социальное недовольство, но она же может подтолкнуть к осознанию того, что наша экономика — далеко не лучшая из возможных систем в лучшем из возможных миров.

В 1919 г. инфляция вынудила европейцев грабить магазины, бастовать и объединяться, чтобы взять производство под свой контроль. В экономике США после пандемии инфляция подстегнула волну создания новых профсоюзов, требующих повышения зарплат. Она подтолкнула наемных работников к сомнению во власти работодателей — это проявилось в таких движениях, как отказ от сверхурочной работы и «тихое увольнение» (*quiet quitting*), а также «Великое увольнение»¹³. Только за один 2022 г. почти 50 млн американцев — треть всех работников страны — сказали «хватит» и добровольно ушли с работы¹⁴.

Сегодня, как и сто лет назад, технократы с тревогой смотрят на возможные перемены в общественном порядке и обвиняют в них главного врага — рабочих. Но мы не должны позволить этим ложным обвинениям лишить нас воли к борьбе. С какой стати мы должны мириться с экономической системой,

которая служит обогащению сверхбогатых, пока простые люди страдают?

Борьба

Решения экономических институтов — ни ФРС, ни Казначейства США, ни Международного валютного фонда — не являются ни нейтральными, ни научными, ни соотнесенными с моральными принципами. Они уже давно не служат общему благу. Представление о том, будто нынешняя экономическая форма нашего общества, которую мы называем капитализмом, есть нечто стихийное, непреложное и вечное, как закон всемирного тяготения, — не что иное, как мистификация.

Восприятие капитализма как абсолютно естественной среды обитания и привычка делегировать многие фундаментальные решения экспертам лишают нас сил и укрепляют нашу пассивную покорность обществу, в котором большинство подвергается угнетению со стороны меньшинства. Почти все профессиональные экономисты, а заодно и телеканалы, социальные сети и газеты транслируют идеи, которые не объясняют, а, наоборот, маскируют принципы работы нашей экономической системы. Факты же таковы: пороки системы выходят за все рамки. В США так называемый средний класс неуклонно сокращается, в то время как пропасть

в уровне благосостояния растет: 0,1% самых богатых владеет впятеро¹⁵ большим состоянием, чем 50% беднейших, при этом совокупное богатство трех человек превышает состояние 150 млн американцев. И эта проблема не ограничивается одной страной. В Великобритании 1% богатейших людей владеет большим состоянием, чем 70% всего населения. С 2014 г. каждый третий ребенок живет в нищете¹⁶, а число миллиардеров за тот же период увеличилось вшестеро. В мировом масштабе сверхбогатые получили в 2022–2023 гг. баснословные прибыли¹⁷: на каждый доллар нового богатства, заработанный представителем беднейших 90% населения, приходилось около 1,7 млн долларов, полученных каждым миллиардером.

Вопреки заверениям о создании рабочих мест и господствующему представлению о том, будто успех в бизнесе выгоден всем нам, реальность состоит в том, что рыночные прибыли, или доходы от капитала, в конечном счете вступают в противоречие с благополучием граждан: когда одно растет, другое сокращается. Наша нынешняя экономическая система основана на принуждении, и именно эту важнейшую политическую реальность скрывает экономический мейнстрим. Даже если мы инстинктивно чувствуем, что что-то не так, когда по утрам отправляемся на бессмысленную работу или пытаемся выкроить время на отдых, это смутное

прозрение подавляется принятыми в обществе установками: так все и должно быть. Такого рода диссонанс между нашим повседневным опытом — опытом отчуждения и борьбы — и нашим смирением с ним, как будто иного пути нет, не случаен. Он *сконструирован* — в первую очередь экономическими моделями, которые укрепляют нашу покорность системе экономики, которую я называю «порядком капитала». Этот термин означает, во-первых, концентрацию права принимать решения в руках частных инвесторов, а во-вторых, незримое порабощение большинства, вынужденного трудиться ради чужой прибыли.

Я написала эту книгу, чтобы показать то, как господствующая идеология ослепляет нас, не позволяя разглядеть альтернативные пути развития экономики. Десятилетиями «эксперты» распространяют эту убаюкивающую сказку, подкрепляя ее научными теориями, сотканными в элитных кругах самых престижных университетов мира. Скрывая истинную природу существующей экономической системы, они иссушают наш разум, лишая нас всякой возможности что-либо изменить. И все же побег из капиталистической дурной бесконечности возможен.

Современные господствующие теории — это результат многовековых академических и политических битв, целью которых было нейтрализовать экономическую парадигму отцов-основателей

политэкономии. Адам Смит, Давид Рикардо и Карл Маркс изучали капитализм сквозь призму классов и классовой борьбы. В течение последнего столетия место этой оптики заняла другая. Вместо классов в фокусе экономистов оказались индивиды, вместо конфликта — гармония. В этом радужном мире двигатель роста — не рабочий, а предприниматель, который героически сберегает и инвестирует. Если Смит, Рикардо и Маркс считали труд источником прибыли, а его эксплуатацию — структурной ловушкой капитализма, то неоклассические экономисты представляли трудовые отношения как равноправный обмен между людьми и рисовали картину благостного процветания для всякого, кто сумеет правильно разыграть свои карты в игре под названием «свободный рынок».

С появлением в начале XX в. неоклассической школы экономическая теория стала претендовать на объективность. «Чистая экономика» — так теперь стали называть то, что прежде было известно как «политэкономия». Эта хитроумная смена названия переосмыслила экономику как нечто такое, что каким-то образом стоит выше отношений власти. Экономисты превратились в хранителей непогрешимых моделей, сопоставимых по своей сложности с моделями точных наук — скажем, квантовой механики, — при этом настолько сложных, что большинство граждан просто заведомо не в состоянии

в них разобраться. Это совпало с возникновением якобы независимых от политики институтов, вроде центральных банков, которые принялись выводить ключевые политические решения из-под демократического контроля.

Результатом «приглаживания» экономического дискурса стало то, что любые разговоры о более человечном и разумном политическом проекте были вынесены за скобки. Даже самые благонамеренные прогрессисты ограничиваются тем, что указывают на непомерную жадность корпораций или бесконтрольный рост финансового сектора. Эта критика заходит в тупик, поскольку игнорирует фундаментальные проблемы системы. Неоклассические экономисты пропагандировали рыночное общество как мир, в котором каждый, кто достаточно рационален и добродетелен, в состоянии преуспеть. Согласно их утверждениям, социальная иерархия — это отражение личных заслуг, а значит, те, кто не наверху, попросту не заслуживают того, чтобы там оказаться. Аргумент весьма удобный для тех, кто у власти.

С этой точки зрения прибыль рачительных предпринимателей — результат их добродетельного поведения, позволяющего им выплачивать зарплату рабочим: звучит неплохо. Идея кажется настолько убедительной, что сегодня ее усвоили почти все: если как следует постараться, каждый из нас может

стать богатым инвестором. А тем, у кого не получилось, следует винить только себя.

Мейнстримная экономическая теория облакает очевидные нелепости в наукообразные формулировки: у тех, кому не хватает средств, чтобы свести концы с концами, — безработных или низкооплачиваемых работников — попросту нет денег, которые можно было бы отложить, чтобы стать «бережливым инвестором».

Неужели мы и вправду живем в лучшей и единственно возможной экономической реальности? Во время экономического бума после Второй мировой войны, в золотой век капитализма, такая точка зрения могла выглядеть в целом правдоподобной, по крайней мере для жителей Европы и США. Однако сегодня, когда большая часть населения планеты страдает от вопиющей экономической и социальной несправедливости, а сама планета стоит на пороге экологического коллапса, эта псевдонаучная идея о «лучшем из всех возможных миров» явно не соответствует действительности. Существует более действенный и гуманный подход к пониманию общества.

Мы должны поставить экономику под демократический контроль, чтобы граждане смогли вернуть себе право принимать те важнейшие решения, от которых зависят самые основы их жизни. Этот путь лучше всего того, что капитализм предлагал или

способен предложить. И каков же первый шаг в этом направлении? Радикальный пересмотр точки зрения. Нет ничего более политического, чем призма, сквозь которую мы смотрим на мир. Лишь научившись смотреть на мир по-иному, мы сможем и действовать по-иному.

Эта книга предлагает новый, освободительный взгляд. Пришло время для подлинно современного экономического учения, основанного на трудах классиков политэкономии. Мы, граждане, можем использовать силу критического экономического анализа, чтобы освободиться от господствующих представлений об экономической политике, в рамках которых техническая экспертиза поставлена выше демократии и всеобщего блага.

Интуиция подсказывает мне, что не существует проблем экономических, которые неизбежно не были бы в то же время и политическими. Вопреки тому, что технократы обычно внушают нам, экономика — не стихийная сила и не внешний объект, которым можно управлять, как машиной. Напротив, экономика — это мы сами. Люди из плоти и крови. Это означает, что «капитал» — как «товар», как деньги для инвестиций, как богатство, выраженное в валовом внутреннем продукте, — существует лишь благодаря определенным общественным отношениям. В частности, благодаря тому, что у большинства людей нет иного выбора, кроме как продавать

свою способность к труду за плату, заведомо меньшую той стоимости, которую они производят. Это и есть порядок капитала — тот самый становой хребет нашего общества, который мы не критикуем и даже не обсуждаем. Лишь сквозь призму класса мы можем вырваться из этой ловушки и понять, как устроена наша экономическая система и политика, проводимая для управления ею.

История показывает: наша экономика не только не вечна, но и чрезвычайно хрупка, а в ее основе лежат политические решения, насаждающие определенные общественные отношения. Когда центробанки всего мира повышают процентные ставки, зная, что это вызовет экономический спад, ими движет как минимум одно опасение: если люди перестанут мириться со своим положением низкооплачиваемых наемных работников без стабильной занятости, наша экономическая система рухнет. И они правы.

Экономика насквозь пропитана политикой, причем на самых разных уровнях. Политической по сути является сама капиталистическая система, которая нас угнетает. Такова же экономическая политика, призванная ее защищать и поддерживать. Политична по сути и экономическая наука — та призма, через которую мы смотрим на мир. Из следующих глав станет ясно, как эти три измерения поддерживают друг друга.

Слыша слово «политический», мы обычно представляем себе партийные дразги и мелочное сведение счетов внутри политического класса. Но я, используя этот термин, вкладываю в него более глубокий смысл. Я утверждаю, что экономика сегодня антидемократична, но в то же время она — та сфера, в которой мы способны к коллективному действию. Нас не должны сковывать никакие мнимо «естественные» и «научные» законы, предписывающие, что большинство обречено на страдания. Экономическое измерение пронизывает всю нашу жизнь — оно определяет, кто мы как отдельные люди и как общество. Но это измерение создали мы сами. А значит, в нашей власти преобразовать общественно-экономический строй так, чтобы он не превращал нас в слуг немногих выигравших от нынешней системы.

Эта книга предназначена всем тем, кто просыпается по утрам с чувством глубокого неудовлетворения. Я намерена бросить вызов фатализму, внушающему, что ничего не изменишь, и индивидуалистическому представлению о том, будто во всем виноваты мы сами или те, кто слабее нас. Вместо этого я хочу показать: в основе главных проблем нашего времени лежат экономические решения, продиктованные классовыми интересами. Я хочу прояснить, какие механизмы нас угнетают, и определить, за какие свободы мы должны бороться.

Все беды нашей эпохи: взлет ультранационалистических партий, нескончаемые войны, ненависть к мигрантам, экологическая катастрофа, бьющая в первую очередь по Глобальному Югу, кризис психического здоровья, особенно среди молодежи, — все это объясняется экономической системой, угнетающей большинство населения как в отдельно взятых странах, так и в мировом масштабе. Когда люди отказываются от участия в выборах или голосуют за партии, выступающие себя противниками либеральной правящей элиты, они выражают глубокое недовольство, а то и отчаяние, вызванное экономическим порядком, который их предал. Эти симптомы нашего нездорового экономического устройства привели к взлету таких политиков, как Дональд Трамп в США и Хавьер Милей в Аргентине, выдающих себя за альтернативу системе. Но это ложные альтернативы. Спектакль с политиками, представляющими себя воплощениями «твердой руки», отвлекает нас от того, что политика этих деятелей на самом деле нисколько не противоречит капитализму и его курсу на жесткую экономию. Так, на съезде консерваторов в 2025 г. Милей подарил Илону Маску, на тот момент правой руке Трампа, бензопилу. Это был символический жест в поддержку предложений Маска урезать почти все федеральные программы помощи рабочему классу, включая медицинскую страховку для малоимущих

(Medicaid), продовольственные талоны и государственное школьное образование, особенно образовательные программы для малоимущих. Склонность этих правительств к насилию лишь усугубляет разрушительные для человечества тенденции капитализма. И все же призывы людей к смене правящих кругов убеждают меня в том, что сегодня есть огромное поле для смелой и амбициозной мысли, способной предложить радикально иные принципы управления обществом.

В следующих главах мы научимся по-новому смотреть на устройство нашего экономического мира и поймем, почему одни и те же проблемы возникают снова и снова и почему общепринятые экономические модели не в силах их объяснить. В главе 1 разобрано по существу понятие роста: мы покажем, как этот пресловутый показатель порождает чудовищное неравенство и основан на эксплуатации. В главе 2 раскрывается истинная цель политики жесткой экономии и объясняется, почему она так важна для поддержания структурного угнетения, необходимого капитализму. В главе 3 содержится критика привычного понимания безработицы и инфляции и доказывается, что эти две неизменно присутствующие социальные проблемы — не сбой в системе, но ее ключевые, неотъемлемые черты. Глава 4 помогает переосмыслить причины грандиозного прогресса в США и Европе, который оказывается неотделим

от целенаправленного насаждения бедности в странах Глобального Юга. И наконец, в главе 5 ставится под сомнение совместимость демократии и свободы с капитализмом. Подлинная демократия требует совершенно нового мировоззрения.

Я пишу эти строки без какой-либо отстраненности, столь типичной для экономистов. Это не значит, что я отказываюсь от научной строгости. Напротив, я принимаю свою роль ученого-исследователя, собирающего доказательства. Я принимаю и неизбежность социальной позиции интеллектуала, которая, как напоминает нам Антонио Грамши, органически связана с классовой борьбой. Никто из тех, кто производит знание, не свободен от влияния своего социально-экономического положения: моя жизнь и мое место в мире определяют мою работу. Поэтому, в отличие от большинства экономистов, я осознаю, что не стою где-то «над» экономикой, просто наблюдая за ней со стороны; как и все остальные, я живу внутри нее. Я стараюсь преодолеть узость собственной точки зрения, изучая борьбу других людей в прошлом и настоящем, чтобы составить более полную и масштабную картину нашего экономического мира. Сделав это, я выхожу за рамки простой критики неолиберализма и предлагаю антикапиталистический взгляд, который, надеюсь, растормошит читателей и заставит их участвовать в реальных социальных преобразованиях.

Сейчас, когда я пишу эти строки, многие рискуют жизнью, борясь за иное общество, за идею, в которую они беззаветно верят. Брат и сестра моего деда, боровшиеся с фашизмом, по сей день остаются для меня источником вдохновения. Его сестра Тереза Маттеи, известная под своим партизанским именем Кикки, стала самой молодой женщиной в составе итальянского Учредительного собрания 1946 г., созванного после падения режима Муссолини. Именно благодаря ей в статью 3 Конституции Италии вошли слова «фактически ограничивая»:

Обязанность Республики — устранять препятствия экономического и социального порядка, которые, *фактически ограничивая* свободу и равенство граждан, мешают целостному развитию человеческой личности и деятельному участию всех трудящихся в политической, экономической и социальной организации страны (*курсив мой.* — К. М.).

Тереза, вольная душа, встала на путь радикализации, когда в шестнадцать лет публично осудила антисемитские расовые законы, запрещавшие ученикам еврейского происхождения посещать итальянские государственные школы. За дерзкий поступок Тереза была навсегда лишена права продолжать образование в школах Королевства Италия, но сохранила смелость и оказывала сопротивление власти

до конца своей жизни. Шесть лет спустя она не покорилась насилию эсэсовцев: нацистские охранники надругались над ней, носившей донесения своим товарищам-partigiani¹⁸. Позже она без колебаний порвала с Коммунистической партией, когда та предала свои идеалы.

Ее брат, Джанфранко Маттеи, двадцатисемилетний профессор химии и участник антифашистского подполья, был схвачен 1 февраля 1944 г. в тот момент, когда изготавливал бомбы для борьбы с нацистскими оккупантами. После нескольких дней непрерывных пыток Джанфранко ушел из жизни, предпочтя смерть предательству. Последние слова моего двоюродного деда, нацарапанные на обороте чека и тайно переданные сокамернику, были обращены к родителям: «Будьте сильны, знайте: я тоже был силен».

Чтобы быть сильными, нам нужны сильные инструменты. Моя цель — дать их вам.